

Левайн Джеймс
(дирижер)

29.10.04

Джеймс Левайн и молодежный оркестр дали концерт в консерватории

Воспитательная работа

Известия - 2003 - 29 окт. - с. 14

Практически все крупные дирижеры мира — начиная с Клаудио Аббадо и Бернарда Хайтинка и заканчивая Валерием Гергиевым и Юстусом Франтцем — отдают часть своего времени и энергии работе с молодежью. Не стал исключением и легендарный Джеймс Левайн, приехавший в Москву вместе с молодежным оркестром фестиваля в Верье (Швейцария) и давший с ним единственный концерт в Большом зале Московской консерватории.

Михаил ФИХТЕНГОЛЬЦ

Заполучить Левайна, самого известного и влиятельного дирижера Америки, невероятно трудно как минимум по трем причинам — в связи с его большой занятостью в оркестре Мюнхенской филармонии и Metropolitan Opera, которой он руководит не один десяток лет, а также по причине его нешуточных гонораров и привычкам отменять концерты в последний момент. Даже всемогущий Валерий Гергиев потерпел неудачу в этом непростом деле — его фестиваль «Звезды белых ночей» так и не договорился о чем-то с профсоюзом МЕТ, и Левайн без лишних сожалений завершил эту историю традиционным отказом. Поэтому приезд дирижера в Москву грозил стать как минимум сенсацией, хотя мало кто имел четкое представление о том, что за оркестр везет с собой именитый маэстро.

Сенсации не произошло. Более того, художественная ценность события оказалась до обидного невелика: разорившись на дирижера, продюсеры сэкономили на оркестре, получив в результате очень

странное сочетание: средний, хоть и вовсю старающийся молодежный коллектив и скучающий мэтр, на репетициях монотонно прорабатывающий со своими подопечными каждый такт. Тот факт, что все происходящее за день до концерта наминало не генеральную репетицию, а рядовой мастер-класс, вполне закономерен — оркестр родился из многочисленных участников летних мастер-классов фестиваля в Верье, одном из самых изысканных и престижных фестивалей Швейцарии, где Левайн является постоянным гостем.

Не то чтобы ценные указания по артикуляции, фразировке и динамике были никому не нужны — просто результатом работы Левайна должен был стать не отчетный вечер для родственников и друзей и даже не красивые дипломы, а концерт в одном из лучших залов мира, который, слава Богу, принимал оркестры самого высшего эшелона. Родственникам и друзьям наверняка очень бы понравилось — но вот для Москвы, пусть и не музыкальной столицы планеты, но все же города крупного, амбициозный выбор программы (сюита Бартока «Чудесный мандарин», Пятая симфония

Прокофьева и Восьмая симфония Дворжака) и не соответствующее этим амбициям исполнение были более чем странными.

Единственным, кто, похоже, ничего не ждал от концерта, оказался сам Левайн — добродушный мужчина за пятьдесят, просеменивший на сцену и время от времени опирающийся на офисный стул с колесиками, поставленный для его удобства на дирижерский подиум. По равномерному движению его правой руки, обозначавшей темпоритм на протяжении двух с половиной часов, о разнице между Бартоком, Прокофьевым и Дворжаком догадаться было очень сложно. Первому из них, сыгранному крупным помолом, на сплошном форте, явно была уготована роль «на разогрев»; размявшись, оркестр довольно неряшливо воспроизвел текст Пятой симфонии Прокофьева, загубив неточными соло духовых блестящее скерцо и с юношеским рвением загоняя темпы в финале. Пожалуй, только Восьмая симфония Дворжака, сыгранная во втором отделении концерта, имела товарный вид, хотя ее прочтение Михаилом Плетневым и Российским национальным оркестром меньше месяца назад казалось более одухотворенным и осмысленным. После разухабистых оркестровых танцев Дворжака и Брамса, сыгранных на бис, Левайн удалился со сцены так же, как и пришел, — с невозмутимодобродушным видом, будто бы ничего не произошло. Что отчасти соответствовало действительности.

Великий дирижер Джеймс Левайн выглядит очень добродушным